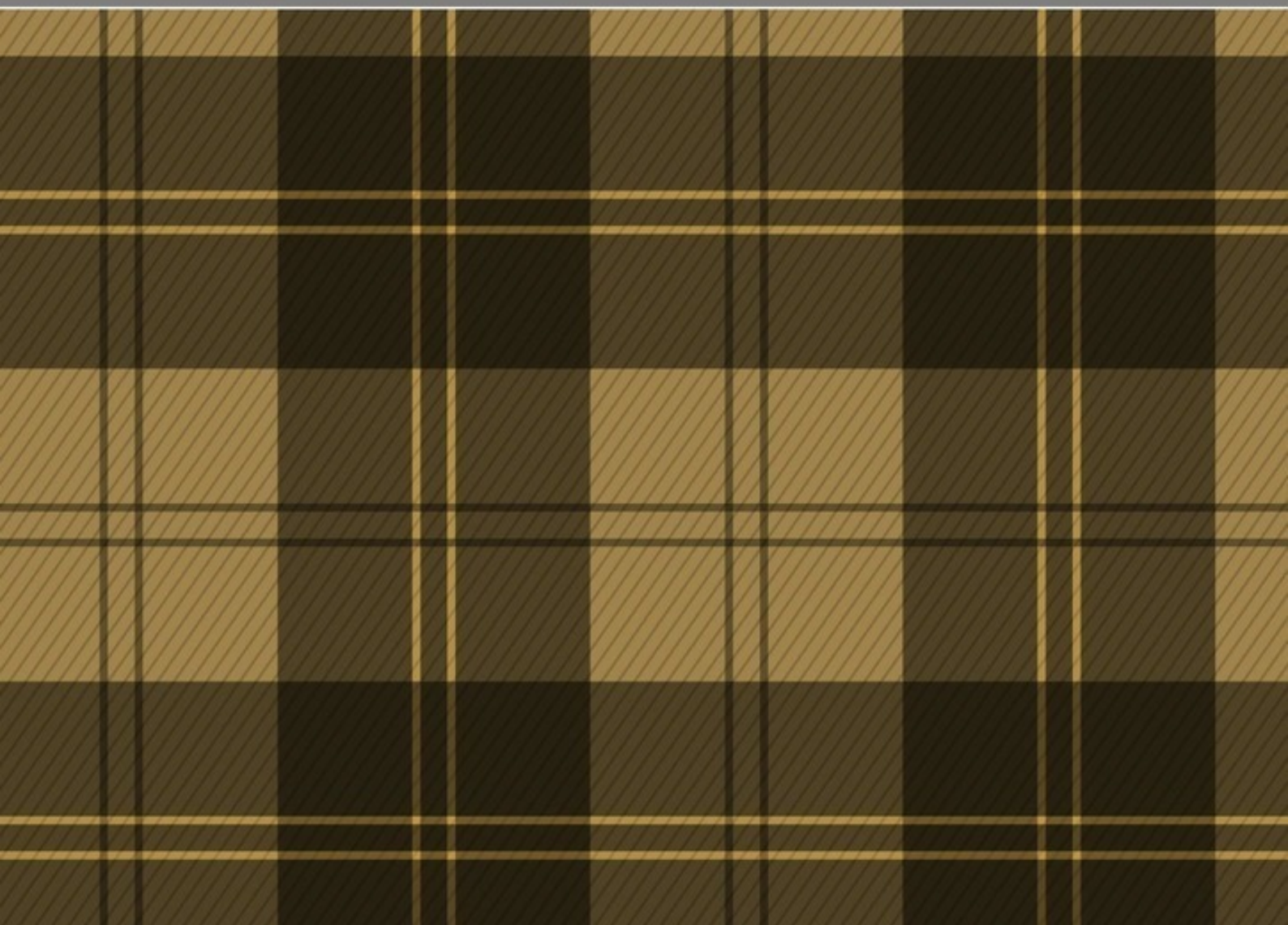

Николай Зеляк

Посейдонис

У книга научно — фантастического романа

«Когда пришли боги»

Николай Зеляк

**Посейдонис. V книга научно-
фантастического романа
«Когда пришли боги»**

«Издательские решения»

Земяк Н.

Посейдонис. V книга научно-фантастического романа «Когда пришли боги» / Н. Земяк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933390-2

Посейдонис. Столица легендарной Атлантиды. Его основали атланты-небожители. Это самый первый и самый красивый город на планете Земля. Там жили вместе боги и люди...

ISBN 978-5-44-933390-2

© Земяк Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Посейдонис

V книга научно-фантастического романа «Когда пришли боги»

Николай Зеляк

© Николай Зеляк, 2018

ISBN 978-5-4493-3390-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-3389-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
МОЕЙ ДОРОГОЙ ДОЧЕРИ НАТАЛЬЕ, ПОСВЯЩАЮ!

Над таинственной землей Та – Кемет всегда светит высокое солнце...

Местный молодой охотник по имени Са, собирая удоновые яйца, однажды, увидел удивительных пришельцев. Высоких и красивых. Чужаки были совсем не похожи на соплеменников охотника. Привёз их на своей спине большой «жук», напоминающий скарабея. Это были атланты – небожители Осирис, Исида, Сет, Нейт и Тот...

Сзади, на зазевавшегося охотника Са напал крокодил. Он схватил его за пятку. Но небожитель Сет спас несчастного охотника, убив крокодила. А другой небожитель Осирис излечил его рану. Рана стала зарастать невероятно быстро...

О загадочных пришельцах узнал местный вождь Па. Ему не понравилось вторжение чужаков на территорию племени, и он организовал против них поход. Но таинственные пришельцы нашли оригинальный способ отбить атаку диких людей...

Осознав могущество всемогущих пришельцев, вождь Па раболепно возвёл главного небожителя Осириса в ранг великого вождя, или божественного фараона. Осирис и небожители, с ироничной улыбкой, снисходительно приняли такую форму правления. Другой вида власти дикие люди не восприняли бы. Так открылась эпоха правления первого фараона на земле Та – Кемет...

Атланты основали город, который в плане был похож на солнце с его лучами, и назвали его Гелиополь. В городе обосновались не только небожители, но и люди...

Осирис задумал строительство комплекса из трёх пирамид, который мог бы служить центром телепатической связи между мирами...

Супруга Сета, Нейт, испытывающая тайную, неразделённую любовь к Осирису, наконец, бурно признаётся ему в своей любви... Сет, питая тайное, болезненное влечение к Исиде, делает попытку покушения на жизнь её супруга и своего друга Осириса. Телепатическим сигналом он блокирует виман фараона, и тот падает в воды Нила, кишасшие крокодилами. Джедет, избранница охотника Са, видит это и сообщает о беде Исиде. Богиня спешит на помощь своему супругу и спасает его...

Между Исидой и Сетом происходит драматичное объяснение: небожитель признаётся в своём порочном влечении к ней и покушении на жизнь своего друга! Он отдаёт свою судьбу в руки Исиды. Его ждёт незавидная участь. Однако благородная Исида, видя перед собой несчастное, покаявшееся существо, великодушно прощает его...

Ярилов, следуя совету атлантолога Смита, встретился с египтологом – еретиком Самалем. Он открыл для себя много нового в древних памятниках Египта. Там же он встретился

с... Исидой! Оказалось, что древнеегипетская царица жила и действовала среди его современников, что не могло не повергнуть космонавта в состояние когнитивного диссонанса.

Из общения с инопланетянкой Исидой, он узнал много интересного о погибшей цивилизации на Марсе и прояснил для себя некоторые, неразрешимые ранее, вопросы. А ещё древнеегипетская богиня открыла ему тайну монокристалла из марсианской пятигранной пирамиды и сообщила ему, что он стал Избранным, или равным богам. Загадочное излучение монокристалла, находящегося внутри этой пирамиды, приобщило Ярилова к сокровищам знаний цивилизации атлантов...

В своих феноменальных возможностях космонавт убедился, когда по приглашению Исиды, находился в, затерянной в Гималаях, долине Страха. Он стоял перед Синей скалой, служащей порталом в недостижимый, для простого смертного, мир богов, или легендарную Шамбалу, и мог легко туда проникнуть сквозь монолит камня...

Всё, о чём сказано выше, излагается в четвёртой книге научно – фантастического романа **«Когда пришли боги», «Высокое солнце».**

Пятая книга научно – фантастического романа **«Когда пришли боги», «Посейдонис»** повествует о похождениях озорного громовержца Зевса, о своеобразных подвигах юного и наивного Геракла, и об увлекательных приключениях космонавта Ярилова, временно пере-квалифицировавшегося в атлантолога и поползновениях местного криминалитета...

Глава 1

Время шагало

Прошло некоторое время. Жизнь, как известно, не любит стоять на месте. В самых разных сферах бытия местного народонаселения, проживающего в Посейдонисе и его окрестностях, произошли примечательные изменения.

Небожитель – путешественник Ила и его молодые сподвижники Нот и Энион провели заметные топонимические реформы, касающиеся окрестной местности. Теперь каждый житель мог без ошибки и с гордостью назвать то место, где он побывал, охотясь или по какой другой надобности.

Лес, густо зеленеющий недалеко от города и его пригородов, стал называться Немейским.

Таинственная пещера, которая вечно пугала, проходящих мимо охотников, необъяснимыми звуками, исходящими из её недр, теперь носила то же название. Причина проста. Она располагалась в лесу, недалеко от его опушки.

Раздольная, почти бескрайняя равнина, лежащая вокруг города и соседствующая с Немейским лесом, получила название Керенейской. По ней вольно прогуливались дикие, непуганые лани и другое мелкое зверьё. Спрашивается, почему непуганые, когда кругом столько охотников? А потому, что небожители запретили заниматься охотой в окрестных местах. Охотники вынуждены были уходить, куда подальше.

Большое и красивое озеро, которое вольготно раскинулось сразу за Немейским лесом, стало именоваться Стимфальским.

Рядом с озером, через песчаную перемычку, влачило свой жалкий век небольшое болото. Мелкое и квакающее. В самой середине его чернел небольшой, но нехороший омут. Охотники говаривали, что это плохое место и советовали обходить его стороной. Болото было раньше никаким, а теперь стало Лернейским. С дальней стороны Немейского леса возвышалась, поросшая густым кустарником и лесной молодью, безымянная гора, которая ныне стала именоваться Эриманфской.

А далеко-далеко, за лесом, почти на краю земли, расположилось удивительное и таинственное место, которое именовалось садом Гесперид. Смертные туда не допускались. Там священнодействовала только богиня Деметра со своими помощниками...

Проводились, однако, не только топонимические реформы.

Вовсю зашагала мода и на перелицовку и реконструкцию уже имеющихся имён среди некоторых представителей местного народонаселения.

Так, плутоватый и предприимчивый гражданин средних лет с хилой грудью по имени Эв, категорически пожелал, чтобы его величали Эврисфеем. И, действительно, что это за имя такое – Эв? По звучанию похоже на зевок. Даже позвать громко не позволяет, сколько не кричи. Другое дело: Эврисфей! Солидно и соответствует умственным задаткам носителя. А ещё в этом имени есть рокошующий звук «р». Он придаёт имени дополнительную основательность. Правда, любимому коту Эврисфея было всё равно, как звали хозяина. Главное, чтобы он кормил.

Начинающий животновод, специализирующийся на разведении козлов, Ав, тоже реконструировал своё прежнее имя и стал называться Авгий. Он нашёл, что старое имя было похоже на тьяканье несерьёзного щенка. И понять его можно. Поэтому к щенячьему «Ав» он присовокупил либеральное «гий».

Будущий коневод Ди пожелал называться Диамедом. Хотя, по правде сказать, и прежнее его имя звучало довольно мило. В нём было что-то англосакское. Однако вновь обретенное имя звучало, конечно, солидней и, где-то даже, монументальней.

Предприниматель и владелец необъезженного бычка, бывший охотник Крит, наоборот, своего имени не поменял. И правильно поступил. Благодаря этому, позже его именем нарекли крупный остров. Тем самым, он прославился.

А вот коллега Крита по бизнесу, охотник Ге, своё имя изменил, вернее удлинил. После этого его стали величать Герионом. Хотя, может и зря удлинил. Ведь, если прислушаться внимательно к звучанию первоначального имени охотника, то слышится в нём что-то ностальгическое, младенческое и, где-то даже, первоначально счастливое. Вот, к примеру, художник Ге ничего не менял и жизнь удалась. Стал академиком.

Улучшила звучание своего имени и лидер, зарождающегося феминистического движения, Ип. Теперь она стала называться царицей амазонок, Ипполитой. Имя Ип, действительно, звучало неважно, если не сказать больше. Этот звук ассоциировался с писком незначительного грызуна и не соответствовал имиджу уважаемого лидера экстравагантного, общественного движения, которое, нынче, так популярно в Европе.

Следуя моде, хозяин странного, тьявкующего существа, предприниматель Плу тоже пожелал удлинить своё имя. Случилось так, что первоначальное имя его удлинилось само собой. К «Плу» стала автоматически добавляться литера «т». Хозяину, стихийно возникшее имя не понравилось, хотя оно, в принципе, и отражало его натуру. Он удлинил его ещё на два звука, и оно окончательно оформилось в Плутон. Имя получилось загадочным, но туманным. А, позже, оно стало ещё и популярным среди астрономов. Это имя было присвоено, как наивно полагали, крайней планете Солнечной системы...

И ещё об именах. Ранее, безымянному художнику, выходцу из диких людей, уже сами небожители присвоили имя Пракситель. Не путать с Праксителем из Эллады. Греческий Пракситель был скульптором, а местный мастер к жанру пластики не имел никакого отношения. Он трудился художником – авангардистом. Сначала он творил в стиле Анри Матисса, а позже стал работать в манере Пабло Пикассо. Писал портреты, в основном, небожителей, а потому слыл признанным, «придворным» художником...

Некоторые же представители нарождающегося этноса, под напором веяний цивилизации, вообще отrekliсь от прежних, пещерных кличек и нареклись по-новому. По этой причине неприятный слух сограждан стали ласкать такие, диковинные по звучанию, имена, как Эгей, Эгея, Эфра, Май, Ая, Майя, Фив, Фива, Антиопа, Кадм, Коко, Семела, Акрий, Крыс, Даная, Тиндарей, Леда, Европа и многие другие. Зазвучало даже имя Платон. Но, похоже, оно появилось преждевременно...

А вот аграрий И не пожелал менять своего имени и его супруга О тоже. И правильно сделали. Их имена убеждают звучностью и лаконизмом. А главное они легко запоминаются.

Хотя, большинство народа своих старых имён не меняло и не присваивало себе новых. Может, ожидало чего? Кто его знает...

Эк, Ро и Тар ещё больше заматерели. Волосы их стали белыми, а глаза мудрыми. Но домашнему уюту они, по-прежнему, предпочитали романтику путешествий и приключений. Охотники входили в команду небожителя Илы и теперь готовились к путешествию по таинственной и далёкой земле Та – Кемет. Небожитель и первый фараон этой земли, Осирис, обещал помочь в организации экспедиции. В группу путешественников вошёл ещё один участник, молодой охотник Ес, который страстно мечтал об этом. Ветераны вначале противились включению его в команду, но, внимая просьбе Илы, согласились принять его в свою компанию...

Клейто и Латона, впервые за последние годы, выглядели не одинокими и счастливыми. В их осиротевших жилищах поселились братья – близнецы. Эд у Клейто, а Уд у Латоны. Волосятые и тумбообразные братья боготворили своих пассий. Вели себя шелковисто и нежно. Они почти не говорили, но много делали, а их пассии, наоборот, много говорили, но делали мало. Клейто и Латона почти перестали ссориться и ревностно следить друг за другом. Надо-

ело. Их дети, объект бесконечного материнского обожания, повинувшись могучему зову крови, давно ушли к небожителям. Повзрослевших Атланта, Аполлона и Артемиду опекали их отцы и другие небожители. А нерастраченная материнская любовь Клейто и Латоны, теперь целиком переключилась на суровых снаружи и добрых внутри братьев – близнецов...

У Посейдона и его помощников забот с парусным судном поубавилось. Они приняли в команду несколько новичков. Новобранцы сновали по вантам не хуже Кека, Кика и других признанных мастеров корабельного такелажа.

Команда боцмана Кука готовилась к дальнейму плаванию по необъятному, срединному морю к большому материку, где раскинулась знойная земля Та – Кемет. Боцман так далеко ещё не ходил и его душа немного волновалась. Скоро он туда доставит команду путешественников небожителя Илы. Небожитель как-то поделился с ним мыслью о том, что после плавания к Та – Кемет, им, возможно, придётся идти к очень далёкой земле, лежащей по другую сторону очень большой воды. При воспоминании об этом намерении небожителя у Кука в животе что-то сжималось, то ли от отваги, то ли от страха. Он сам ещё в своих ощущениях толком не разобрался. А ещё ходили невероятные слухи, что к той, очень далёкой, земле они пойдут уже на другом корабле, где паруса будут не главными. Судно ещё строилось, и Кук ожидал его появления на воде с некоторой опаской. Говорят, что у нового корабля, почти, не будет мачт. Спрашивается, зачем тогда так много матросов, если так мало вант?

А Гефест, Дедал, Прометей, Амфитрита и, примкнувшие к ним, Туай, Мокл, Элай, Ала и Эна под руководством Посейдона уже колдовали над созданием двигателя для нового судна.

Парусный корабль был хорош тем, что он всегда в ладах с природой и та, в благодарность за такое отношение к ней, дарит ему свою силу. Поставил паруса и иди себе. Только смотри, чтобы не проскочить мимо цели, да не напороться на рифы. Но природа, всё же, дама капризная, а потому непредсказуемая. А порой она, даже, жестокая. К тому же, её капризы часто не совпадают с желаниями мореходов.

А если оснастить посудину автономным двигателем, то он легко и с нужной скоростью поведёт судно к цели. Это то, что нужно кораблю. Да и команда не так бы утомлялась.

Сила, приводящая в движение космические корабли и аэровиманы, могуча и дерзка. Её то и предстояло приспособить к неспешному ходу корабля по воде!

Построив судно на автономном ходу, атланты хотели пересечь океан и достичь земель, лежащих по другую его сторону. Покорять же просторы океана на небольшом парусном судне было рискованно. Новый корабль мыслился более надёжным и парусником был лишь наполовину...

Все три вождя, по-прежнему, здравствовали и продолжали державно мыслить.

Кру начал было сдавать, но вовремя вмешался Асклепий. Он придумал исцеляющую микстуру, которая активизировала движение его рук и ног. Особенно в тех местах, где они перестали сгибаться и болели даже во сне. У старого вождя произошли некоторые изменения, с его нижней челюстью. Она выдвинулась вперёд ещё сильнее.

Чар погрузнел и замедлился. Его походка стала шаркающей, а слух притупился. Свою дочь Латону он слышал с трудом. Даже громовой бас внука Геракла доходил до него избирательно. Микстура Асклепия сделала его ноги, пусть не быстрее, но легче. Всё бы хорошо, если бы не капли на кончике носа. А капли эти стали появляться всё чаще, и были они всё крупнее.

Оба старых вождя любили коллективно подремать на досуге.

Третий их коллега, Дык, почти не изменился. Только белый клочок на его голове, со временем, преобразовался в белую шапку. С годами, он сделался ещё молчаливей. И это его качество нравилось и Кру и Чару. Он не мешал им дискутировать. Вернее дискутировал один Кру, а Чар ему поддакивал и почти всегда невпопад, по причине ущербного слуха...

Самый главный небожитель, Зевс, пребывал, как всегда, только на высоте. И это правильно. Координатор, в первую голову, должен координировать. Остальное, конечно, тоже важно, но не так. Правда, это остальное, время от времени, отвлекало державное внимание Зевса от его великих дел. Дело в том, что у него имелась маленькая слабость: он был неравнодушен к женскому полу. На него засматривались земные женщины. Все без исключения. Однако у молодых и красивых шансов было больше. Громовержец держался, держался, да и давал, иногда, слабину. Увы, боги спускаются на землю!

Его супруга, величественная Гера, внутренне возмущалась шалостями мужа, но открыто не бунтовала. Не было резона. Оберегала авторитет и супруга и свой собственный. Царь должен быть всегда вне подозрений, а потому, он неподсуден...

Вместе с юными Эрой и Каной, супруга царя богов, по-прежнему, трудилась на поприще просвещения. Она обучала широкие массы написанию сложнейших иероглифов и другим полезным вещам. Среди её учениц попадались и шалуны, которые заводили мимолётный роман с её мужем. Куда от них денешься? Гера вынуждена была обучать и их. А что делать? Ведь люди для богов все равны. Правда, шалуньям иногда доставалось. Правда, немного... Деметра вместе с Эвном, Адой и Эдой продолжала трудиться, не покладая рук, в саду Гесперид над выведением новых сортов яблок и других плодов.

Выражаясь современным научным языком, сад Гесперид являлся экспериментальной площадкой по выведению новых видов растений. На его территорию посторонние допускались лишь по особому распоряжению главного ботаника атлантов, Деметры.

Особое положение запретного сада породило среди местного народонаселения много толков, слухов и различных фантазий. Самая дерзкая из легенд гласила, что в саду Гесперид растут яблоки, дарующие простым смертным бессмертие. Не трудно представить, сколько появилось желающих присоединиться к сомну небожителей...

Дети Клейто и Латоны: Атлант, Аполлон и Артемида были приняты в семью атлантов и им стали поручать серьёзные дела...

Зевс пожелал, чтобы вокруг города процветала нетронутая природа, наполненная непуганой живностью. Охота разрешалась только за пределами очерченного круга. Юная Артемида стала глазами Зевса. Вооружившись тугим луком и пучком стрел, она носилась по окрестностям, ревностно выполняя поручение отца. И горе тому охотнику, который нарушил запрет. Нарушителя она наказывала сразу. Ни один из смертных не мог тягаться с ней в остроте глаза, быстроте рук и меткости стрельбы. Её стрелы не знали промаха. И попадала она непременно в то место, которое у всякого человека находится ниже спины. Стрела у Артемиды была непростой. Она причиняла не боль, а зуд. Раненный такой стрелой, охотник в течение нескольких дней мог спать только стоя. Ни есть, ни лечь он не мог из-за сильного зуда.

Рядом с Артемидой всегда бегала ручная лань. Она признавала хозяйкой только Артемиду. Та подобрала её крохотным телёнком и выходила. Маму лани кто-то убил. Юная богиня охоты часто играла со своей ланью и украшала её рога золотой лентой...

Сын Посейдона, юный Атлант, был определён стражем у врат сада Гесперид. Занятие ответственное, но однообразное. Сад располагался так далеко от города, что туда можно было долететь лишь на вимане. А для людей он находился, почти, на краю земли. Редкий охотник мог дойти туда. Поэтому охранять сад было не от кого. Юный Атлант скучал, но порученное ему дело, выполнял ревностно...

Юный сын Зевса, Аполлон, с младых ногтей полюбил музыку. Конечно, он прекрасно владел искусством стрельбы из лука. Стрелял без промаха и был вне конкуренции. Даже его сестра, богиня охоты, Артемида, не оспаривала его первенство. Однако музыка взяла верх над искусством охоты.

Гефест и Дедал смастерили и подарили гениальному музыканту сладкозвучную лиру. Инструмент получился красивым и волшебным звучащим.

Аполлона никто не учил играть. Талант музыканта у него был от природы. Перебирая тонкими пальцами чуткие струны, он импровизировал блистательно.

А ещё он восхитительно пел. Его глубокий, гибкий голос очаровывал всех своей музыкальностью. Орфей рядом с ним просто бы отдыхал. Вдобавок ко всему, небожитель был ослепительно юн и красив. В будущем, по части шалостей, он будет составлять конкуренцию даже своему любвеобильному отцу. Предпосылки к такому повороту событий уже стали складываться. Юные пастушки из смертных, то там, то сям, следовали за его музыкой, забывая обо всём на свете...

Осирис и Исида, по возвращению в Та – Кемет, сразу же приступили к реализации своего грандиозного, строительного замысла среди песков и камней Гизы. Им помогали Тот, Сет и Нейт. Математик Тот корпел над расчётами. Сет следил за техникой. Осирис руководил работой своих помощников и кристаллоробов по нарезке мегалитов для сооружения великих пирамид. Работа спорилась. С особым энтузиазмом трудились Са, Тут, Там, Икс, Игрек и Зет, а так же другие люди Па. Грань между диссидентами и патриотами уже давно стерлась. Они совместно делали большое и доброе дело.

У Па твёрдо сохранился моральный статус вождя. После героического поступка его стали уважать низы и приметили верхи. Теперь он, по личному поручению божественного фараона Осириса, трудился в самой гуще народных масс, претворяя в жизнь директивы верховной власти. Работа ему нравилась. И это ничего, что его теперь никто не боялся. Теперь перестал бояться своих бывших подданных и он. Покушений на его особу не предвиделось.

Исида и Нейт родили сыновей, Гора и Анубиса. Сыновья, как две капли воды, были похожи на своих матерей. Гор на Исиду, а Анубис на Нейт. Подозрение в том, что у них один отец, не могло придти в голову никому. Генетическую экспертизу никто проводить не собирался. По этой причине, божественный фараон Осирис мог не только спокойно царствовать, но и спать. А благородная и улыбчивая небожительница Нейт свою тайну хранить умела...

Сын Алкмены и Зевса, Геракл настолько вырос, что стал похож на качка, перекормленного анаболиками. Он окончательно оброс мышцами. Руки преобразовались в ручищи, ноги в ножищи, туловище в «шкаф», а голос в низкий бас. На лице появилась первая растительность. Его мать, Алкмена уже пряталась у него где-то под мышкой.

Но душу свою Геракл, при этом, сохранил в полной неприкосновенности. Какой она была в детстве, такой и осталась.

После очередной, нелепой проделки своего сына, Алкмена отпускала ему подзатыльник, восклицая в отчаянии, когда же он, наконец, повзрослеет. На что тот смиренно гудел, что он уже взрослый.

Признавать в нем своего сына, Зевс не спешил. Стеснялся. Поэтому Геракл пребывал, пока, в категории смертных.

Геракл ярко отличался от прочих смертных не только могучими бицепсами и оригинальным поведением, но и манерой прогуливаться. Ходил он по улицам Посейдониса в, присущей только ему, свободной манере. Всегда двигался не спеша, посередине улицы, широко размахивая руками и загребая ногами. Прохожие предпочитали обходить его стороной.

Учился Геракл неохотно. Педагоги, из среды атлантов, пытались терпеливо внедрить в его голову различные знания. Но ученик был капризным и часто вёл себя непредсказуемо. Когда ему, вдруг, надоедало учиться, то он поднимался со своего места и, молча, уходил с занятий. Вначале, изумлённые педагоги пытались его вразумить и это им в какой-то мере удавалось. Но упрямство и своеволие Геракла крепчало вместе с его телом. И они, в конце концов, махнули на него рукой: сколько усвоил знаний, пусть столько и будет. Ведь это его знания.

Нельзя сказать, чтобы Геракл совсем не испытывал любопытства к наукам. Испытывал, но только в том случае, когда это ему самому было интересно.

Однажды, очарованный игрой Аполлона на лире, он попросил у того инструмент, чтобы сыграть самому. Великодушный Аполлон уступил лиру Гераклу и тот начал вдохновенно перебирать несчастные струны негнушимися пальцами. Звук при этом, конечно, извлекался, но он был похож, то на скрип несмазанного колеса, то на брэнчание упавшего медного таза, то на визг ржавых, дверных петель.

Аполлон был терпелив и вежлив. Он долго слушал дикие аккорды, нещадно извлекаемые из несчастного инструмента, но, всё же, не выдержал и сделал незначительное, критическое замечание по поводу исполнительского мастерства Геракла. Замечание исполнителю не понравилось. Новоявленный музыкант тотчас вспылал и, недолго думая, запустил инструментом в кудрявую голову, сидящего под деревом, Аполлона. Реакция юного небожителя неприятно удивила Геракла. Аполлон не только увернулся от удара, но спас драгоценный инструмент, запущенный с невероятной силой. Он поймал его налету, не позволив разбиться о ствол дерева.

Юный небожитель вскочил на ноги и подошёл к Гераклу. Его изнеженные, музыкальные пальцы железными клещами жали руку своенравного детины. Геракл сделал попытку вырваться, но у него ничего не вышло. И тогда он впервые осознал, что существует сила, которая легко может одолеть его собственную силу, если пожелает. Геракл сразу сник.

Аполлон с ледяным спокойствием произнёс:

– Не уподобляйся дикарю, Геракл и всегда помни о последствиях своих поступков...

Что же дальше? А дальше жизнь в Посейдонисе и его окрестностях бурлила, как весеннее половодье. Там проистекало сразу много всего. Объять необъятное невозможно. Отсюда и остаётся, что обрисовывать, вырванные из контекста могучего бытия столицы Атлантиды, лишь отдельные его осколки, да фрагменты. Зато какие!

Глава 2

Немейский лев

У бывшего охотника, а ныне почтенного гражданина Посейдониса, человека, недавно модернизовавшего своё имя с «Эв» на «Эврисфей», пропал кот. Хороший такой кот, независимый по своей натуре, и постоянно пребывающий у себя на уме. Хотя Эврисфей и одомашнил его совсем недавно, но уже успел к нему крепко привязаться.

И когда кот внезапно исчез, то его хозяин загоревал. Он уже привык к коту и без него, вдруг, ощутил дискомфорт в личной жизни.

Почему ушёл кот? В чём причина? Неужели неприязнь к хозяину? Конечно же, нет. Внешнее обличье хозяина коту была по боку. Подумаешь немного кособокий, немного кособоротый, один глаз выше другого, а при разговоре немного шепелявит. Ну и что? А найдите другого хозяина, кто без недостатков? Никогда не найдёте! У каждого обязательно найдётся что-то своё, сугубое.

По этой причине, всякого кота больше должны волновать моральные качества хозяина, а не физические. Ведь для любого, уважающего себя, кота главное что? Правильно, чтобы хозяин хорошо кормил своего подопечного и гарантировал ему различные кошачьи свободы.

Любовь Эврисфея к своему хвостатому другу была столь глубока, что, несмотря на свою врождённую прижимистость, кота он кормил не ограниченно. Да и все кошачьи свободы им были гарантированы, правда, в пределах объективной необходимости. Единственное, что могло досаждать коту, так это нравоучения. Длинные и нудные. Хотя, если трезво разобраться, то кто обходится без нравоучений и необязательно в адрес котов? Кто? Таких людей не найдёте. Правда, хозяин кота, в этом отношении, был весьма упёрт!

Однако если глянуть с другой стороны, то представители кошачьей породы, а эврисфеев кот, несомненно, относился к оной, скорее привязаны к дому, чем к хозяину.

И вот, кот неожиданно оставил свой дом, где можно было и есть, и отдыхать, сколько кошачьей душе угодно. Невероятно! По доброй воле он, конечно же, уйти не мог. Значит, что? Значит, его украли. А если украли, то кто? Человек? Ах, как это рискованно. Тут же об этом стало бы известно. Доброжелателей, коих во все времена было хоть отбавляй, сразу бы донесли об этом прискорбном факте Эврисфею. Тогда кто, кроме человека? Тогда остаётся только зверь! Страшный и ненасытный. Это он утащил любимого кота Эврисфея и съел его. Ведь больше некому! Бывший охотник горько вздыхал и гнал прочь от себя нехорошие мысли. Но они, как назло, не хотели уходить, угнетая тяжким грузом его ранимую душу. И, всё же, о печальном конце своего любимца он думать не желал.

А на следующий день, после таинственного исчезновения кота, стали твориться настоящие чудеса. Первыми их заметили охотники. После охоты они возвращались домой. С трофеями или без оных, это теперь уже не важно. Шли они, как всегда, через Немецкий лес, мимо старой, заброшенной пещеры. Так было короче.

О пещере ходили дурные слухи, но охотники им не верили. Из чрева её постоянно доносились какие-то странные звуки, однако они никого не смущали. Охотники справедливо полагали, что это просто балует ветер. Ведь пещера давно пустовала. Раньше там обитал грозный, пещерный лев. Но, когда пришли небожители, а за ними и люди, то он ушёл в лес, от греха подальше. И, всё же, пещера пугала и желающих углубиться в её тёмное и таинственное чрево не находилось. И не потому, что в ней кто-то обосновался, а потому, что охотников прессиловал страх перед чем-то неведомым!

А тут, проходя мимо пещеры, охотники, вдруг услышали нечто новое. Это было глухое и сдержанное не то рычанье, не то урчанье. Оно пугающе контрастировало с обычными

шумами и звуками, которые ранее доносились из её чрева. Судя по густоте звука, урчанье принадлежало льву. И не какому то – там доходяге, а весьма почтенному зверю.

Вот это новость! Вот это поворот!

Охотники, с крепкого перепуга, сразу же сбились в кучу и ошетинились копьями.

Урчанье на миг прервалось, а потом возобновилось в том же спокойном ритме. Почуял ли свирепый хищник охотников? Даже спрашивать не надо! Конечно же, почуял! Ведь они стояли прямо у входа в пещеру, загораживая ему свет. А ещё они принесли с собой целый букет, соблазнительных для него, запахов. Охотники приготовились к худшему. Однако, на их счастье, он не атаковал, а продолжал себе спокойно урчать. Видно сильно был уверен в своих силах и знал, что охотники от него никуда не денутся! Затем глухое урчанье сменилось плотоядным чавканьем. Громким и противным. Похоже, теперь зверь обедал, и охотники, временно, его не интересовали.

Люди же, воспользовавшись тем, что он обедает, попятились от пещеры. Они отходили всё быстрее и быстрее, пока их отступление, наконец, не превратилось в энергичное бегство. Опомнились охотники лишь тогда, когда достигли окраины города. Их сбивчивый рассказ сильно обеспокоил окрестное население. Народ всплеснул руками и подкатил к небу глаза. Кто от удивления, кто от страха. Скептиков, не верящим охотникам, нашлось совсем мало.

Конечно, молодым охотникам народ не очень бы поверил, если бы не Бо и Го, Дук и Док. Это охотники опытные. Эти никогда не соврут.

Народ стал гадать: неужели в пустующую пещеру вернулся старый квартирант? После долгой дискуссии, люди пришли к неутешительному выводу, что туда, всё же, вернулся либо прежний жилец, либо его молодой отпрыск.

Больше других, по этому поводу, переживал хозяин пропавшего кота. Он подходил к каждому из охотников и печально утверждал, что гадкий лев в тот страшный момент, свидетелями которого они были, видимо ел его кота. Те с готовностью кивали головами: конечно, это был кот. А кто ещё мог быть, кроме кота? Ведь охотники все целы, а кот пропал!

Однако на этом чудеса не закончились. По истечении всего пары дней у некоторых граждан, из числа начинающих овцеводов, то там, то сям, стали пропадать овцы. И не какие-нибудь, а самые крупные и упитанные. Тут же пошёл устойчивый слух, что их тайно таскает тот самый немейский лев, которого обнаружили охотники. Реально, больше никому!

Причём хищник этот, по единогласному мнению большинства народонаселения, был не только свирепым и могучим, но ещё и невидимым человеческому глазу, а потому совсем не уязвимым. Он всегда мог напасть, откуда его не ждешь. Здесь уж, действительно, никакие луки да копы не помогут. Вот беда-то, какая!

Дошло, даже, до того, что с конюшни Авгия пропал один из четырёх, прирученных им, козлов. Сам Авгий стал, конечно, стенать по поводу этого прискорбного случая, а вот соседи его скрытно обрадовались. На целую четверть, уменьшилась концентрация козлиного духа! Не благо ли! Но, радовались они не долго. Вскоре козёл, снова, объявился целым и невредимым. Видно, немейскому льву запах козла тоже пришёлся не по вкусу и он вернул его туда, откуда взял!

А ведь с этим, немейским львом, надо было, действительно, что-то делать. Всё ж таки, поголовье овец когда-нибудь закончится и тогда он примется за людей. И в конце могут остаться в живых только четыре авгиевых козла. И всё! Люди по этому поводу сильно сокрушались. И было с чего! Охотники победить немейского льва не смогут. Здесь, даже, и думать нечего. Тогда кто с ним сможет справиться? Ответа на этот тяжёлый вопрос у народа не находилось.

И тут хитромудрому обладателю кота пришла в голову спасительная мысль: а не обратиться ли к Гераклу? Он юн, могуч, горяч, прост и с огромной дубиной. Если он ею хотя бы

один раз приложится, то никому мало не покажется! Даже немейскому льву. А что? Прекрасная идея! Пусть попробует. А вдруг получится.

У Эврисфея были свои счёты с немейским львом. Из-за кота. Поэтому он, изо всех сил, хотел подвинуть Геракла на битву с пещерным животным!

Он отправился искать Геракла и увидел его, прогуливающимся вдоль улицы. Тот шёл вразвалочку, беззаботно подбрасывая вверх с дубину. Улица, в это время, была пустынной. Местный люд давно уже себе уяснил, что во время прогулки Геракла, лучше на улице не показываться. Он мог нечаянно пришибить своей дубиной.

Эврисфей вышел на середину улицы.

– Эй, Геракл!

Геракл недовольно приостановил своё поступательное движение.

– Эврисфей, уйди с дороги! Не мешай гулять.

Хозяин кота пугливо попятился.

– Есть дело!

Геракл остановился. Его дубина гулко стукнулась о мостовую.

– Какое ещё дело?

Эврисфей обрадовался тому, что Геракл снизошёл до внимания к его персоне.

– Ты слышал о немейском льве?

Лицо Геракла оставалось безучастным.

– Ну?

Эврисфей патетически воскликнул:

– Этот зверь скоро съест всех овец!

В ответ, на яркий возглас Эврисфея, прозвучал флегматичный ответ:

– Пусть ест, раз голоден.

Эврисфей вздёрнул вверх руки, призывая, в свидетели, небеса.

– Он съел моего кота!

Геракл спокойно ответил:

– Заведёшь нового.

Эврисфей вскричал в притворном отчаянии:

– Он съест меня!

Геракл усмехнулся:

– Давно пора. Не будешь приставать.

И тут хитромудрый Эврисфей уяснил для себя, что с этого бока Геракла не пробить. Чувство глубокой социальной ответственности в нём пока ещё не проснулось. Следовало срочно поменять вектор психологической атаки. Неоперившееся, болезненное самолюбие юного переростка – вот та болевая точка, на которую надобно давить. Поползновения на себя, любимого он уж точно не потерпит!

– А если он съест тебя?

Геракл мгновенно встрепенулся:

– Меня? Никогда!

Эврисфей понял, что нащупал нужную жилку. Он недоверчиво выпятил нижнюю губу:

– Интересно, а почему это? Всех съест, а тебя нет? Так не бывает. Съест и тебя. Обязательно съест!

Геракл гордо вскинул голову:

– Я не позволю!

Обнадёжившись реакцией наивного детины, хитрый Эврисфей, втихаря, бросил пробный камень.

– А сразиться с ним не слабо?

Детина равнодушно ответил:

– Кому надо, тот пусть и сражается.

Но, Эврисфей продолжал гнуть свою линию.

– С ним не справится ни один охотник.

Скорбно побряхтев, добавил:

– Даже много охотников!

Геракл развёл руками.

– А я тут причём?

Эврисфей доверительно расширил свои ассиметричные глаза.

– Ты? Ты самый сильный. Только ты справишься с этим животным!

Геракл равнодушно отвернулся.

– Не хочу!

Тогда прилипчивый Эврисфей надавил на болевую точку гераклового самолюбия посильнее.

– Никак, боишься?

Геракл с негодованием отверг предположение Эврисфея

– Ещё чего!

Давление на болевую точку продолжилось:

– Нет, ты боишься!

Геракл выпрямился, как испанский гранд.

– Я ничего не боюсь!

Последовало ехидное:

– Кроме немейского льва!

Геракл в негодовании сотряс своим кулачищем воздух.

– И его тоже! Эврисфей довольно потёр свои короткие, сухие руки.

– Значит, настучишь ему дубиной?

Последовавший ответ, плута удовлетворил:

– Тьфу! Делать нечего!

Эврисфей совсем обнаглел:

– И шкуру убитого льва мне принесёшь?

Геракл, не подумав, в запальчивости брякнул:

– Принесу!

Плут живо представил огромную львиную шкуру в личном жилище, и ему стал хорошо.

– Что ж, посмотрим!

Геракл набычился. Он уже жалел о том, что сгоряча пообещал этому хлесту такой роскошный подарок, да делать нечего. Геракл слыл хозяином своего слова.

– А что здесь смотреть? Завтра и принесу.

Эврисфей не верил своему счастью.

– Неужели завтра?

Геракл презрительно посмотрел на Эврисфея.

– Конечно!

Прохвост недоверчиво прищурил левый глаз.

– А Алкмена отпустит тебя?

Геракл возмущённо вскинул голову.

– Я уже взрослый!

Эврисфей выставил вперёд свою руку.

– Хорошо, хорошо.

Чуть подумав, добавил:

– Мы с охотниками желаем посмотреть битву. Не возражаешь?

Геракл равнодушно пожал плечами.

– Смотрите.

Утро следующего дня выдалось ясным и тихим. Ни ветерка, ни облачка. Забросив на плечо свою дубину, Геракл решительно зашагал к логову зверя. Он неодолимо жаждал борьбы с коварным и свирепым животным.

На приличном расстоянии от него, робко озираясь по сторонам, семенила кучка любопытствующих охотников. К пещере их влекло зрелище предстоящей битвы. А ещё дальше, вслед за охотниками, зигзагами перемещался сам Эврисфей.

Дорогу лесом и сам Геракл, и сопровождающие его, лица прошли без приключений.

По-прежнему, вокруг было тихо. Лишь птички трели улаждали напряжённый слух вдохновенного бойца.

Геракл подошёл к пещере. Привёл в боевое положение свою дубину. Прислушался. Из мрака пещеры доносились звуки, похожие на шлепки по воде. Шлепки были редкими и мирными. Словно кто-то очень медленно и осторожно бродил босиком по луже.

И вдруг, как гром среди ясного неба, раздалось глухое, плотоядное урчанье. Боец напрягся: зверь в логове!

Пора приступать к делу! Геракл загородил собой вход в пещеру и подал голос. Кличем своим он вызвал немейского льва на поединок. На грозный окрик пещера ответила таким эхом, что у бойца, на время, заложило уши. От громового звука робко присели охотники, а Эврисфей изготовился к отступлению.

Но грозный вызов Геракла зверь тупо проигнорировал. Даже обидно. Похоже, зверь выжидал. Он либо презрительно пренебрегал Гераклом, либо прикидывал, как лучше напасть на дерзкого смельчака.

Геракл держал ухо востро. Он знал, что немейский лев не только коварен, а ещё и невидим. Всяких напастей от него можно было ожидать в любой момент и со всех сторон.

В установившейся, резиновой, тишине кто-то снова зашлёпал босыми ногами по луже. Потом раздался скрежет. Кость по камню, не иначе! Так и есть, зверь точил свои могучие когти! Он неспешно готовился к схватке. Видно, очень был уверен в своих силах.

У Геракла обильно вспотели могучие лопатки. По его героическому челу заструились ручейки пота. Ладони вросли в рукоять дубины. Геракл тоже готовился. Он неистребимо желал этой битвы. Напряжение достигло своего апогея!

А там, в непроницаемой глубине пещеры, снова кто-то невозмутимо прошлёпал босыми ногами по луже.

Зверь почему-то не нападал. «Чего он тянет, – подумал Геракл, – чего?».

Ему, в конце концов, надоело ждать нападения врага, и он сам пошёл в атаку. Боец бросился, в мрачные объятия пещеры, с грозным, боевым кличем. Навстречу, по его ушам, ударило такое могучее эхо, и так больно, что у него чуть не развалилась на части голова. Охотники, от такого великого звука, в ужасе распластались на земле. Эврисфей даже припустил было в сторону города. Правда, вскоре приостановил отступление, не видя прямой угрозы для своей драгоценной жизни.

Как только к Гераклу вернулись остатки слуха, он уловил, как что-то большое шлёпнулось в лужу. Это, наверное, прыжок! Это, верно, немейский хищник, наконец, бросился на Геракла! Невидимый и свирепый! И тогда Геракл начал работать своей дубиной. О, как он славно работал ею, как он храбро сражался! Дубина со свистом рассекала воздух в самых немыслимых направлениях. Дон Кихот, в своей битве с ветряными мельницами, пожалуй, сильно бы уступил ему по накалу вооружённой борьбы.

Геракл не знал, где в данный момент находится хищник, поэтому бил по площадям; авось получится зацепить. Бил от всей души. Бил, вдохновляя себя боевыми возгласами. Если бы

удалось засечь продолжительность его мужественных усилий на современном хронометре, то набежало бы море времени!

И всё то, время, пока Геракл бился с невидимым зверем, охотники, лёжа в траве, с душевным трепетом прислушивались к шуму борьбы. А шум тот был так обременителен и так страшен для их ушей, что они робели даже поднять голову. Но охотники нутром своим чувствовали, кто побеждает, а потому постепенно приходили в состояние восхищения. И Эврисфей, притаившись ещё дальше, чем они, тоже начинал тихо радоваться. И было от чего. Он уже мысленно примерял на себя львиную шкуру!

А битва в пещере, к тому времени, подходила к концу. Дубина в руках Геракла становилась всё тяжелее. Наконец, настал такой момент, когда он уже не смог её поднять.

Всё!

Битва завершилась. Боец устал. Его лёгкие работали, как кузнечные меха. Пещерное эхо многократно усиливало их работу. Но, героя это не интересовало. Он искал глазами поверженного немейского льва. Уйти от его дубины тот не мог, никак не мог! Но, зверя нигде не было видно. Наверное, потому, что невидимый!

Итог тяжкого труда Геракла поражал своей масштабностью. Ему удалось за короткий срок ликвидировать все неровности и выступы внутри пещеры. Её стены, пол и потолок стали почти гладкими. На полу валялись кучи битого камня.

Да и дубина бойца пострадала, пусть и немного. От её несокрушимого массива кое-где откололась щепка. За то, она окончательно обрела свой боевой облик.

Геракл напряжённо прислушался. В установившейся тишине кто-то снова неспешно прошлёпал босыми ногами по луже. Этот невозмутимый пешеход начинал вызывать у героя непонимание. Неужели в пещере остался ещё кто живой? А может это, по-прежнему, бродит по лужам немейский лев и битва ещё не окончена?

С тревогой прищурился в темноту: ни видимого, ни невидимого пешехода там не наблюдалось.

Но, не успел Геракл облегчённо вздохнуть, как глубине пещеры вдруг вспыхнули два зелёных, горящих глаза. Они смотрели на уставшего бойца, не мигая, словно приценивались!

Геракл сразу понял, что это глаза затаившегося, коварного хищника. Его, в глубину пещеры, загнала могучая дубина Геракла. Он всё ещё живой, и готов к борьбе!

Низкий потолок пещеры в её торце, мешал применению грозной дубины, поэтому Геракл яростно бросился на коварного зверя с голыми руками. Его пальцы железными клещами сомкнулись вокруг, неожиданно тщедушной, шеи льва. Зверь жалобно замыкал. Геракл опешил: неужели немейский лев, чтобы спастись от сокрушительной дубины Геракла, прикинулся котом?

Ярость Геракла мгновенно испарилась, и он взял его на руки. Обычный кот! Даже смешно. Оценил размеры оборотня. Его шкуры едва хватит, чтобы прикрыть всего одну лопатку на спине героя. Носить такую шкуру ему было бы не солидно. Разве, что она придётся в пору Эврисфею? И то вряд ли.

А тем временем лев ещё раз жалобно мяукнул, и Геракл окончательно пожалел его: пусть ходит в шкуре! Главное, чтобы остаток жизни прожил котом и больше не терроризировал окрестности.

Держа в одной руке дубину, а в другой кота, Геракл покинул пещеру.

Его тут же окружили подбежавшие охотники. Они бегали вокруг Геракла, как дети вокруг новогодней ёлки. Бегали и громко пели дифирамбы. Их вопли выражали полный восторг. Кто-кто, а они понимали, какой важный подвиг совершил Геракл и сколько сил он потратил на его свершение!

Подтянулся и Эврисфей. Он тоже желал воздать должное подвигу Геракла. Но, когда увидел в руках бойца кота, то его глаза, сами по себе, без всякого внешнего побуждения, полезли на лоб. Не чувствуя ног от радости, он подбежал к победителю немейского хищника.

– Это же мой кот!

Потянул дрожащие руки к пленнику Геракла.

– Ты живой! Как хорошо! А я уже не чаял увидеть тебя!

Теперь уже у Геракла глаза, сами по себе, без спроса, полезли из орбит.

– Что?

Выпученные глаза Эврисфея светились благодарностью.

– Геракл, ты спас моего кота!

Глаза Геракла, на законное место, возвращаться не спешили.

– Что? Твой кот? Разве это не оборотень?

От нетерпения Эврисфей пританцовывал.

– Какой оборотень, Геракл? Не смейся! Это мой кот! Отдай мне его скорее! О, как я по нему соскучился!

Геракл растерянно протянул Эврисфею своего пленника.

– Возьми, раз твой.

Эврисфей с упоением принялся гладить своё сокровище. Кот тотчас ответил хозяину довольным мурлыканьем.

– Испугался, бедняга! Теперь всё! Теперь будешь только со мной!

От такого поворота событий, Геракл даже уронил свою дубину. Он не понимал, что происходит.

Эврисфей улыбнулся. Его счастливая улыбка всегда растягивалась по диагонали. Улыбаться, по-другому, ему не позволяла геометрия рта:

– Где ты нашёл моего кота?

Боец растерянно ответил:

– В пещере.

Эврисфей сокрушённо покачал головой.

– В пещере? Подумать только!

Погрозил своим хилым кулачком в воздух.

– Это лев его утащил туда. Хорошо, что не успел съесть!

Геракл продолжал пребывать в растерянности.

– Съесть?

Эврисфей возбуждённо закивал:

– Съесть, Геракл, именно съесть! Не успел! А потому не успел, что ты сокрушил его!

Простодушный Геракл совсем потерялся. До этого он был твёрдо убеждён в том, что взял в плен оробевшего льва в образе кота. А что на деле? А на деле это оказался настоящий кот Эврисфея. Где же тогда лев? Чью шкуру он предъявит Эврисфею в качестве трофея?

Видя растерянность Геракла, Эврисфей поинтересовался:

– Ты чего, Геракл? Победа, ведь!

Но, Геракл продолжал переживать.

– Я не добыл тебе шкуру льва, хотя и обещал.

Эврисфей хитровато хмыкнул:

– Это не беда, Геракл! У невидимого льва – невидимая шкура!

Немного подумал и ободряюще добавил:

– Ты мог свободно разнести её своей дубиной в клочья.

Го тоже подбодрил бойца:

– Свободно мог. Не сомневайся, Геракл!

Бо поддержал Го:

– Конечно в клочья! А как ещё? Ты так славно молотил своей дубиной!

Дук тоже вставил своё ободряющее слово:

– Грохотало сильно. Сам слышал!

Не остался в стороне и молодой Ик.

– Вот!

Геракл повеселел. Слова Эврисфея и охотников ему пришлись по душе. И, действительно, почему бы ему не разнести невидимого льва в клочья? Вполне мог разнести! Ведь дубиной своей он поработал славно!

Народ встретил известие о бесславной кончине немейского льва по-разному. Большинство радовалось. Но, нашлись и такие люди, кто огорчился. Это были подпольные любители чужой, но свежей баранины. Теперь уже нельзя было списывать упитанных овец на счёт пещерного хищника. А жаль! Шашлык был такой вкусный!

И только небожители оставались невозмутимыми. Их совершенно не интересовали, ни подвиг Геракла, ни акустика местной пещеры, которая многократно усиливала любой звук. И неважно, что это было: мирное урчанье домашнего кота, или капля воды, падающая с потолка пещеры.

Только ближе к вечеру, в доску уставший, Геракл подошёл к порогу своего дома. На мраморных ступенях сидел его дед Чар. Он дремал, прислонившись спиной к белоснежной колонне портика. Обыкновенно, старый вождь проводил своё время на свежем воздухе двумя способами. Либо беседовал со своим коллегой Кру, когда тот навещался в гости, либо дремал. В редких случаях дремали оба. У вождя Чара, во сне, часто дёргалась левая щека. И дергалась она солидарно с правым ухом. Видно, он видел цветной сон про старинную охоту и переживал. А ещё у него на носу всегда красовалась крупная капля. В лучах заходящего солнца, она испускала оранжево-рубиновые лучи, и была похожа на драгоценный камень.

Из глубины родных пенат показалась мать Геракл, Алкмена. Она стояла подбоченившись, и весь вид её не сулил Гераклу ничего хорошего. Она долго и с нездоровым любопытством рассматривала своего взмокшего, осыпанного каменной пылью, сына и его побитую дубину.

– Ну-ну.

Подкатила глаза.

– Ты, что, камни грузил?

Геракл замялся.

– Нет.

Алкмена продолжала дознание:

– Где же это ты столько времени пропадал?

Врать Геракл не умел:

– Сражался с немейским львом.

Алкмена от неожиданности даже присела.

– Что? Ты сражался со львом?

Геракл чуть приподнял голову. Он имел на это право.

– Сражался.

Его мать всплеснула руками.

– Где?

Геракл чуть слышно буркнул:

– В пещере.

Алкмена снова подкатила глаза.

– Вечно лезешь туда, куда не просят!

Геракл поднял свою голову ещё выше.

– Я победил его!

Мать Геракла ехидно поинтересовалась:

– Победил? Вот как. А где же твои трофеи?

Сын опешил. Он не ожидал такого вопроса, а потому не знал, что ответить:

– Какие трофеи?

Алкмена удивилась.

– Как это, какие? А шкура? Где шкура льва?

Перед своей матерью Геракл почувствовал себя ещё более неловко, чем перед Эврисфеем. Он виновато пробубнил:

– Лев оказался невидимым.

Алкмена нервно рассмеялась. От этого смеха Гераклу сделалось неприятно.

– Невидимый лев? Ай-ай-ай! И шкура, выходит, тоже невидимая, так?

И вдруг она испуганно спохватилась.

– Горе то, какое!

Геракл ничего не понимал:

– Какое горе?

Лицо его матери выражало тревогу.

– Как какое? Хорошо ещё, что всё так кончилось!

Геракл продолжал недоумевать.

– Что кончилось?

Алкмена хлопнула ладонями по крутым бёдрам.

– Как это что? Лев то невидимый! А если бы он поцарапал тебя? Что тогда?

Геракл усмехнулся:

– Не поцарапал же.

Мать Геракла выдавила из глаз солёную воду.

– Не поцарапал? Хорошо, что не поцарапал!

Сокрушённо перевела дух:

– И когда же ты, наконец, повзрослеешь?

Геракл пробасил:

– Я уже взрослый.

Алкмена, в ответ, лишь красноречиво повертела пальцем у своего виска.

Глава 3

Точка невозврата

Ярилов ещё раз окинул взглядом, нависшую над его головой, могучую скалу. Космонавт теперь понимал, зачем он здесь. Похоже, небожительница пригласила его сюда, для того, чтобы доказать существование легендарной Шамболы и, даже, показать ворота её! Правда, он ещё не понимал, какую цель при этом преследовала небожительница, но был польщён тем, что он, единственный из смертных, стоит у порога никому недоступного мира.

Взгляд Исида, обращённый на космонавта, излучал звёздный свет.

– Перед тобой портал, открывающий путь к бессмертию!

Ярилов только что услышал нечто метафизическое, трудно воспринимаемое человеческим разумом. По его спине пробежал холодок.

– Ты говоришь о физическом бессмертии?

– Да. Речь идёт о том, что ты, в принципе, сможешь жить столько, сколько пожелаешь.

Космонавт напрасно пытался осмыслить сказанное небожительницей. Здесь человеческая логика пасовала. Он выглядел растерянным.

Видя замешательство на лице космонавта, древнеегипетская богиня улыбнулась. Она продолжила говорить, и голос её звучал ровно и уверенно:

– Уточню свою мысль. В окружающем нас мире, всё относительно. Всему живому положен предел жизни. Абсолютное бессмертие, конечно, абсурдно. Однако, доступная нам мера продолжительности жизни, несоизмеримо больше краткого мига человеческого бытия!

Окинула оценивающим взглядом смущённого человека.

– Ты молод, энергичен и полон сил. Твои интеллектуальные и физические возможности находятся на взлёте. И это прекрасное состояние души и тела, приносящее удовольствие от жизни, можно продлить на любой мыслимый промежуток времени.

Ярилов скептически усмехнулся.

– Годы? Десятилетия? Века?

Исида спокойно ответила:

– Можно и тысячелетия. Ты, подобно атлантам, можешь стать властелином времени, если, конечно, пожелаешь!

Внутри Ярилова – романтика проснулся Ярилов – скептик.

– Мне надо осмыслить твои слова, великая Исида. Я многого не понимаю.

Потом задумчиво добавил:

– Стать властелином времени? Звучит странно и неопределённо...

Человек даже осмелился возразить богине:

– Разве можно иметь власть над тем, природа чего до сих пор не ясна? Мне, во всяком случае.

Бессмертная отвечала ему легко и уверенно. Её уверенность передалась Ярилову.

– Что такое время? Над физическим и психологическим содержанием этого феномена ломали головы мудрецы разных эпох. И не только земляне. Ближе всех к истинному определению понятия времени подошёл Платон. Он заявил, что время – это отблеск вечности. Красиво и точно!

Смертный возразил:

– Понятие «вечность», на мой взгляд, лишено всякого физического смысла. Впрочем, как и понятие «бесконечность». Мне они ни о чём не говорят. И таких скептиков, как я наберётся немало.

Исида, внимательно выслушав сентенцию Ярилова, продолжила:

– Относительно физического содержания времени существует множество точек зрения, включая сюда и твою версию. Все они имеют право на существование, как гипотезы. В конкуренции и взаимном дополнении научных идей рождается истина. Но непреложным остаётся тот факт, что часы нашей вселенной запущены. Она по этим часам живёт. И пока вселенная существует, все процессы в ней, и на уровне субатомных частиц, и в масштабе галактических, звёздных скоплений, будут определяться ходом этих часов. Ход времени, образно говоря, подобен реке, текущей по руслу вечности из будущего в прошлое. Почти, по – Платону!

Ярилов сознательно занял позицию оппонента.

– А что, если будущего не существует в принципе? Есть только прошлое и настоящее. Прошлое не интересно, оно ушло. Остаётся только настоящее. Это тот промежуток времени, к которому мы прикованы до тех пор, пока существует мироздание. Возможно, промежуток этот не продолжительнее всего одного кванта времени и являет собой неуловимую грань между прошлым и несуществующим будущим. И движется эта грань на острие прошлого, реализуя несуществующее будущее. Отсюда следует, что стрела времени, возможно, движется из прошлого в будущее...

Улыбнулся.

– Впрочем, это лишь гипотеза.

Исида толерантно ответила:

– Она, наравне с другими, заслуживает внимания.

Космонавт продолжил:

– Тогда получается, что настоящего тоже нет, ввиду малости временного интервала, в котором мы живём.

Богиня мягко возразила:

– Я не согласна с тобой. Настоящее есть! Допускаю, что мы существуем в пределах промежутка времени, сравнимого по величине с квантом времени. И движемся вместе с ним в будущее, со скоростью потока времени.

Ярилов грустно улыбнулся.

– Если только не вывалимся из этого потока...

– Если вывалимся, то время для нас остановится, и мы останемся в прошлом навсегда.

Но пора спуститься с метафизических высот на землю.

Она с сожалением посмотрела на космонавта.

– Жаль, что тебе не ведомо крылатое чувство ликования от осознания личной не подвластности влиянию всемогущего времени!

Немного скорректировала свою мысль.

– Конечно же, в том смысле, в каком оно ощущается живым, разумным существом.

Тихо добавила:

– С этим ощущением может сравниться, разве что, чувство искренней и глубокой любви!

Ярилова немало удивила эмоциональность небожительницы. Всякий раз она открывалась перед ним новой гранью своей сложной натуры.

Он с трудом оторвал свой взгляд от жгуче красивой собеседницы и уткнулся им в несокрушимый гранит гигантской скалы. Он видел перед собой лишь каменный монолит без малейших изъянов. И больше ничего.

Снова засомневался.

– Портал, ведущий к бессмертию... где же он? Я не вижу его.

Исида покачала своей величественной головой.

– Его увидеть невозможно.

– Почему?

– Он виртуален!

Космонавт ничего не понимал.

- Портал виртуален? Как же тогда сквозь него проникнет материальный объект?
И тут небожительница задала неожиданный вопрос:
- Как ты думаешь, что случится, если, лоб в лоб, столкнутся две галактики? К примеру, наша Галактика и, летящая ей навстречу, Туманность Андромеды.
Человек пожал плечами.
- Думаю, произойдёт вселенская катастрофа!
Бессмертная иронично улыбнулась.
- Я ожидала от тебя именно такого ответа.
Ярилов смутился.
- Я не прав?
Ироничная улыбка продолжала блуждать на губах небожительницы.
- Не прав. Если бы не гравитация, то звёздные острова прошли бы друг сквозь друга, как призраки, даже не заметив этого.
- Почему?
– Физические размеры звёзд ничтожны по сравнению с расстоянием между ними. Шанс столкновения между отдельными звёздами, в среднем, один на миллион. В центре галактики он на два – три порядка выше, а на периферии, соответственно, на, столько же порядков меньше.
Космонавт мягко заметил:
- Согласен. Но куда девать гравитацию? Он её не избавиться. Она обязательно внесёт свои коррективы в процесс столкновения.
Исида ненавязчиво парировала довод космонавта.
- Гравитация может исковеркать структуру звёздных островов до неузнаваемости, но вероятность прямого столкновения отдельных звёзд между собой, возрастёт незначительно.
Ярилов недоумевающее посмотрел на небожительницу.
- Ответь, великая Исида, пример с галактиками имеет какое-нибудь отношение к виртуальному portalу?
Древнеегипетская царица ответила утвердительно:
- Прямое. Мы те же галактики, только на уровне атомов. И, как они, состоим, в основном, из пустоты.
- И какой отсюда следует вывод?
– Вывод простой. Если на время квантового перехода синхронизировать взаимодействие защитного поля виртуального портала и силового поля нашего организма, то нам, подобно нейтрину, можно беспрепятственно пройти сквозь любую материальную преграду.
Ярилов изумлённо покачал головой.
- Фантастика!
Он с благоговением смотрел на легендарную царицу.
- И у вас это получается?
Исида спокойно ответила:
- Смотри!
Она выбросила вперёд правую руку. Ладонь коснулась поверхности монолита и беззвучно стала погружаться в его недра.
- Ярилов смотрел и не верил своим глазам: живая плоть проникала в толщу скалы, как в воду! Подобное можно было увидеть только на полотнах Сальвадора Дали. Картина не для слабонервных людей!
- Его побелевшие губы прошептали:
- Невероятно!
Небожительница смотрела на него с олимпийским спокойствием.
- Это реальность!
Космонавт немного пришёл в себя от потрясения.

– Но у меня так не получится...

Исида хладнокровно поинтересовалась.

– Почему?

Космонавт удивлённо посмотрел на Исиду: богиня, а простых вещей не понимает!

– Я человек, а не бог.

Исида буднично поинтересовалась:

– Что из этого следует?

– Я никогда не смогу пройти виртуальный портал!

Небожительница улыбнулась.

– Ты заблуждаешься.

Человек подумал, что ослышался.

– Разве?

Богиня чеканно произнесла:

– Не забывай, ты – Избранный!

Космонавт искренне не понимал, какое имеет отношение его странный статус к квантовому переходу.

– Произойдёт чудо?

Богиня спокойно ответила:

– Чуда не будет. Всё гораздо прозаичнее. Марсианская перевёрнутая пирамида уже подготовила твой организм для квантового перехода.

Слова небожительницы ошеломили Ярилова.

– Это, правда?

Исида снова улыбнулась.

– Проверь!

Ярилов осторожно коснулся кончиками пальцев шершавой поверхности камня. Слегка надавил и не поверил своим глазам. Пальцы наполовину погрузились в каменный монолит, словно в пустоту. Именно в пустоту, потому что, ни сопротивления материала, ни болевого ощущения, он не почувствовал.

В следующее мгновение космонавт опомнился и отдернул руку. Ошеломлённо посмотрел на кисть руки и нашёл её в полном порядке. Бегло исследовал поверхность камня. Та тоже выглядела безукоризненно!

На его лбу обильно высыпали капельки пота. Он ручейками потёк по бледным щекам. Человек чуть слышно прошептал:

– Невероятно! Квантовый переход, действительно, возможен. Даже для человека. Немыслимо!

Он поднял изумлённый взгляд свой на небожительницу. Его переполняли эмоции.

– Великая Исида, у меня получилось!

В голосе Исиды зазвучали торжественные нотки:

– Да! Портал запретного мира для тебя доступен!

Человек, снова и снова, прикасался своими пальцами к податливому камню и всё ещё не мог поверить в свершившееся чудо.

«Неужели это реальность, – подумал он, – неужели я смогу попасть туда, где не бывал ни один смертный? Невероятная удача! Но какова плата за неё?».

А плата была велика, чересчур велика! Он, вдруг, осознал, что квантовый портал – это точка невозврата. Ярилов понимал, что это черта, за которой меняется привычный масштаб времени. Он не знал, сколько пройдет времени, в родном для него мире, в период его отсутствия. Годы? Десятилетия? Века? А может и больше...

И Ярилову стало, по-настоящему, страшно. Однако то был не животный страх, который можно преодолеть усилием воли, а страх, похожий на неизлечимую болезнь, страх потерять навсегда всё то, что было знакомо ему с раннего детства. Имя той болезни – ностальгия!

Что будет ждать его, когда он, однажды, вернётся из зазеркалья? Что предстанет перед его восхищённым или разочарованным взором? У него похолодело в груди от мысли, как необратимо изменится привычный мир!

Конечно, небо и облака останутся прежними. И солнце, как и раньше, будет согревать его своими лучами. Не изменятся моря и океаны. Реки, пожалуй, тоже будут течь по прежнему руслу. Наверное, сохранятся, но сильно изменят свой облик города и не только крупные.

А что люди? Люди и окружающий их предметный мир, пожалуй, станет совсем другим! Чужим и, возможно, даже враждебным.

Человек, вдруг, особо остро вспомнил о родных и близких, о друзьях и знакомых, а если выразиться высоким штилем, то о современниках. Современник – это ключевое слово. Современник – это человек, живущий рядом с тобой в определённом временном интервале. И, тогда, временная связь с ним прервётся. Может надолго, а, может, навсегда!

Хорошо, если до возвращения пройдёт какая-нибудь пара-тройка десятилетий. Тогда ещё терпимо, тогда ещё можно на что-то рассчитывать. А если минет пара столетий? Что тогда? Тогда бы его ожидало абсолютное одиночество. Он уподобился бы дереву, вырванному из земли с корнем. От осознания всей глубины проблемы, Ярилову стало не по себе.

Небожителям проще. Их мало. Они могут спокойно кочевать по временным эпохам всем скопом, без всяких психологических потерь и надрывов. Причина в том, что они никогда не теряют связи друг с другом. Их внутренняя сплочённость стоит гораздо выше всех иных предпочтений.

Другое дело – люди...

Ярилов привык задумываться о последствиях своих решений и поступков. Он взял это за правило.

Допустим, он сейчас решится и шагнёт в неведомый мир. Мир, где время живёт по своим законам и он, раз и навсегда, изменит свою судьбу. При этом, личность его, как он полагал, не разрушится, но, одним махом, лишится всего того, что было ему дорого. И он сделал для себя вывод, что психологически не готов, в данный момент, шагнуть за квантовую грань.

Древнеегипетская царица, с лёгкой улыбкой сожаления, следила за мимолётными переменами настроения на его лице. Читала ли она его мысли? Скорее всего, нет. Вторгаться в чужой, духовный мир им запрещала этика атлантов. А кодексу чести они следовали неукоснительно.

– Теперь ты понял, почему свидание назначено именно здесь. Ты Избранный, а потому, сможешь воспользоваться своей привилегией и пересечь границу запретного мира, когда пожелаешь. Там, за этой гранью, ты всегда будешь своим!

Человек благодарно склонил голову.

– Мне оказана великая честь стать одним из вас. Так сложилось. Хотя я и не заслуживаю этой чести, но вас не подведу! Великая Исида, благодарю тебя!

Глаза древнеегипетской богини затуманила грусть. Она тихо произнесла:

– Я уйду...

Человек вздрогнул. Он мгновенно догадался, о чём идёт речь. Небожительница появилась здесь не только ради него, Ярилова, но и для того, чтобы самой уйти в своё зазеркалье.

Он с досадой покосился на неприступную, каменную стену с её виртуальным порталом.

– Туда?

Богиня кивнула головой.

– Да. Подошло моё время.

У Ярилова невольно сжалось сердце. Такое с ним случалось всегда при нежелательном, но неизбежном расставании. Только теперь он осознал, как сильно успел привязаться к этой, неземной женщине. Ему так нравилось общаться с ней и, исподволь, любоваться её нездешней красотой. Теперь это всё уйдёт и канет в реку времени...

Ярилов понимал, что расстанется с ней не на один или два дня. И даже не на годы. Нет, здесь речь шла о столетиях, а может, и тысячелетиях. Кто знает... Он, вдруг, осознал, что больше её никогда не увидит. Его человеческой жизни не хватит, чтобы покрыть хотя бы толику того времени, по истечении которого, она снова вернётся в этот меняющийся мир из своего прекрасного далёка. От ощущения полной безнадёжности, горечь расставания стала ещё острее.

Ярилов торопливо отстегнул марсианский знак и протянул его небожительнице.

– Возьми!

Исида мягко отстранила его руку.

– Зачем?

Космонавт удивился.

– Вернёшь хозяину!

Богиня отрицательно покачала головой.

– Этот знак хозяину ты вернёшь сам. Я тебе уже говорила об этом.

Космонавт, непослушными от волнения пальцами, пристегнул нагрудный знак на прежнее место. Поднял смущённый взгляд на сошедшую с небес. В его глазах светилось чувство, более глубокое и сильное, чем сожаление.

– Великая Исида, мне жаль, что ты уходишь...

Небожительница едва заметно улыбнулась, вернее, только наметила улыбку, как Мона Лиза:

– Есть выход.

Ярилов вдохновенно спросил:

– Какой?

– Следуй за мной!

– Сейчас?

– Да.

– Не могу.

– Почему? Ведь физических препятствий не существует!

Человек нахмурился.

– Проблема не в физике.

– Тогда в чём?

– В психологии.

Мудрые глаза бессмертной богини смотрели на смертного с пониманием.

– Трудно порвать с тем, к чему привязан?

– Да...

Во взгляде инопланетянки появилось разочарование.

– А как быть с вечным стремлением к непознанному?

– Непознанного пока хватает и по эту сторону квантового портала.

Ярилов мечтательно прищурил глаза.

– Хотя стать властелином времени очень заманчиво...

Инопланетянка кивнула головой.

– Я понимаю тебя!

Улыбнулась.

– И, всё же, мы ждём тебя!

Землянин снова благодарно склонил свою голову и тихо спросил:

– Великая Исида, тебе будет замена?

– Будет!

– И новая встреча будет?

– Будет!

Где?

– Тебя найдут.

– Хорошо...

«Вот и всё, – подумал Ярилов, – и мне пора в дорогу». Он подобрал рюкзак и махнул небесной женщине рукой.

Та трогательно ответила. Светлые одежды делали её, необыкновенно стройную, фигуру невесомой. Создавалось впечатление, что она, вот-вот, вспорхнёт в воздух, или растворится в нём. Всё верно! Она, действительно, растворится, но не в воздухе, а в синем камне. И видеть это Ярилову, почему-то, не хотелось. Чуть наклоняясь навстречу ветру, он направился к дороге, ведущей в город. Ему предстояло пересечь, похожую на небольшое озерцо, долину Страха. Шёл не оглядываясь. Теперь у него самого было забот полон рот. Ярилову предстояло добраться до города по единственной дороге, ведущей туда. Предстояло отмахать два десятка километров на солнцепёке. Но это ещё не всё. В конце пути, надо полагать, его ждал очень неприятный сюрприз. Чокнутый, наверняка, расстарался на славу.

Уклонится от встречи с враждебной толпой борцов с нечистой силой, не представлялось возможным. Не позволяла география. Справа отвесные скалы, а слева – пропасть. Но, Ярилов был настоящим мужчиной и предпочитал свои проблемы решать сам...

Глава 4

Эдем Деметры

О саде Гесперид, среди людей уже давно гуляли самые разные небылицы. Одна другой невероятней. А всё это проистекало, отчасти от того, что их туда не пускали, а отчасти потому, что там, действительно, творились чудеса селекции.

А ещё ходили упорные слухи о том, что в этом запретном саду растут даже яблоки бессмертия. Правда, говорят, зрели они исключительно для внутреннего потребления. Вот почему у людей так обильно стали выделяться завистливые слюнки. А кто, из уважающих себя смертных, не пожелает их вкусить? Найдите таких людей? Никогда не найдете, сколько бы не искали!

Однако богиня Деметра надёжно скрывала свои секреты от сторонних глаз. Ещё ни один смертный не побывал по ту сторону врат запретного сада. А охранял те врата юный и неподкупный небожитель Атлант, сын владыки морей. Никому не позволял он попасть в чудесный сад, без дозволения на то самой богини Деметры. Хотя, однажды, один шальной охотник всё же рискнул перемахнуть через высокий забор, но его вовремя заметил бдительный Атлант. Он одним взглядом своим снял того с ажурного ограждения и аккуратно вернул в исходную точку. Охотнику было совсем не больно. Он стал немного заикаться и всё. Вот только после этого случая, попыток нелегального проникновения на территорию запретного сада больше не наблюдалось.

Людам ни к чему было гневить великую богиню плодородия, Деметру. Говорят, это она дает силу земле. Без её участия не смогут зеленеть леса, цвести сады, радовать привольем луга и тучнеть поля...

Да и самим, вечно занятым, небожителям было бы интересно познакомиться с результатами научных усилий ботаника Деметры и её помощников. Глас народа, конечно, не всегда глас истины. И всё же, он подогревал любопытство.

А кто лучше всех может поведать о достижениях Деметры? Конечно же сама Деметра! И она, наконец-то, оторвалась от своих научных изысканий и нанесла визит своим давним подругам Гере и Амфитрите. Царица богов обрадовалась неожиданной, но желанной гостье. Ведь подруги так долго не собирались вместе.

Время близилось к обеденной трапезе. Они сели за роскошно сервированный стол и, за непринуждённой беседой, приступили к трапезе. Их беседа часто прерывалась громкими восклицаниями и звонким смехом.

Вскоре подошёл хозяин с гостем. Это Зевс пригласил на обеденную трапезу своего брата Посейдона. Мужчины и женщины аристократично приветствовали друг друга.

Зевс тактично поинтересовался:

– О чём беседовало высокое общество? Если не секрет, конечно.

Гера бойко ответила:

– Не секрет, мой Зевс. Напротив, то о чём рассказывает благородная Деметра, интересно послушать нам всем!

Улыбнулась.

– Многое, о чём поведала нам наша высокая гостья, просто достойно восхищения!

Зевс давно не видел Деметры. Так давно, что её зрительный образ почти стёрся в его памяти. И вот сейчас он увидел её снова. Невольно сравнил её с Герой и Амфитритой. Все три богини были прекрасны. Каждая по-своему. Своё, особенное, присутствовало и в красоте Деметры.

Присмотрелся к гостье пристальней. Сначала из чистого любопытства. В ней было нечто такое, что увлекло его. И так увлекло, что любопытство плавно преобразовалось в заинтересо-

ванность. Однако, почувствовав, что его молчаливый и пристальный взгляд может показаться гостю странным или, что ещё хуже, нескромным, он дипломатично вступил в разговор:

– Поздравляю тебя, дорогая Деметра с тем, что о тебе и твоём саде смертные уже стали слагать легенды.

Лицо Деметры чуть порозовело и от этого стало ещё симпатичнее.

– Ты смущаешь меня, благородный Зевс.

Громовержец улыбнулся.

– Согласись, моя Деметра, что то, о чём твердят люди, есть зерно истины!

В ответ, Деметра неожиданно рассмеялась. Звонко и заразительно. Зубы у неё были белые, как снег. Зевс нашёл её смех очень привлекательным.

– Мой Зевс, всё, что говорят о нас смертные, лишь наивная сказка.

Глаза громовержца немного погрузтели.

– Жаль! А так хотелось чего-нибудь необычного и таинственного.

Деметра одарила его сочувствующим взглядом.

– Не только тебе одному, благородный Зевс, хочется чуда. Но чудес, увы, не бывает!

Громовержец мягко улыбнулся.

– Всё верно. Мы реалисты. С этим никто не спорит. Однако, миф о яблоках бессмертия, придуманный людьми, всё же хорош!

– Зевс, зачем тебе яблоки бессмертия? – иронично поинтересовался владыка морей.

Царь богов тихо ответил:

– Не мне, дорогой Посейдон, они нужны. Не мне! Они нужны смертным!

Снова зазвучал звонкий голос богини плодородия:

– Мы не возвращаем яблок бессмертия. Это правда. В нашем саду нет вечно благоухающих цветов. Это, тоже, правда. За то там есть вкусные, наливные яблоки и цветы, которые могут очаровать своей хрупкой красотой каждого!

Она взяла, из роскошного букета, цветок и стала вдохновенно о нём рассказывать. Цветок, действительно, был прелестен. Зевс никогда не видел такого красивого бутона, со столь яркими и экзотичными, по своей форме, лепестками. Не цветок, а настоящее волшебство!

Однако Зевс не столько слушал Деметру, сколько любовался ею. Когда её длинные, почти прозрачные пальцы нежно гладили лепесток, ему нестерпимо захотелось прикоснуться, но не к лепестку цветка, а к мраморным пальцам богини. Она говорила, а длинные ресницы бархатными опахалами нежили её большие глаза. Цветом, как поздний вечер, они были так чисты и так глубоки, что громовержцу, вдруг, захотелось любоваться ими снова и снова. Рассказывая, Деметра мило поворачивала свою, отягощённую причёской, голову, то к одному, то к другому слушателю, не обделяя своим вниманием никого. Когда её вечерний взгляд останавливался на Зевсе, то чувство очарования гостей в нём лишь усиливалось. Громовержец делал вид, что внимательно внемлет рассказу Деметры, а сам думал об ином. Он думал о том, что теперь обязательно посетит сад Гесперид. Но, не для любования его красотами, а для того чтобы снова увидеть богиню плодородия. А цветы будут лишь формальным поводом для его визита. Красота Деметры всё больше пленила его. Он даже не заметил, как, за короткое время, лёгкое влечение к синеглазой богине переросло в нечто более глубокое!

Зевс прекрасно понимал, что Деметра не Латона, или Алкмена. Она богиня, а не смертная женщина. Деметра равна с ним по происхождению. Она наделена, от природы, такими же, как у него, феноменальными способностями и обладает не менее могучим интеллектом.

Громовержец осознавал, что неосторожно сказанное им пылкое слово или невольный, эмоционально окрашенный жест сего стороны, могут тут же пресечься едва заметным движением её брови или, что ещё страшнее, её насмешливой улыбкой. А смешным Зевс выглядеть не хотел. И, тем не менее, очарование Деметрой, пусть даже временное, одолело в нём чувство осторожности!

Мирное течение трапезы внезапно прервалось появлением малолетнего сына Геры и Зевса, Ареса. Мальчик с громким гиканьем пронёсся по обеденному залу. Бесцеремонно выхватил цветок из рук ошеломлённой Деметры и бросил его на пол. Опрокинул вазу с фруктами. Разорил декоративное птичье гнездо со свежими яйцами. Запустил сырым яйцом в Деметру, но промахнулся. Хрупкий снаряд угодил прямо в лицо его матери. Яйцо расплющилось и его содержимое основательно подпортило внешний вид царицы богов. После этого, победно взыв, юный варвар вихрем покинул помещение. К слову сказать, исторически не совсем верно утверждение о том, что понятие «варвар» впервые получило своё распространение в эпоху заката Западной Римской империи. Отнюдь. Оно появилось гораздо раньше, ещё во времена взросления отпрыска Зевса, Ареса!

Растерянная Гера только и успела, что воскликнула ему вслед:

– Варвар!

Смущённо обратилась к гостям:

– Извините, мне надо привести себя в порядок. Я скоро вернусь.

Царь богов, тоже, не замедлил отреагировать на внезапную выходку своего непредсказуемого отпрыска:

– Арес, я когда-нибудь накажу тебя. Непременно накажу!

Придя в себя после блицналёта маленького варвара, Деметра изумлённо покачала головой.

– Удивительно активный мальчик!

С улыбкой обратилась к громовержцу:

– Мой Зевс, уж не повторяет ли он тебя? Надо полагать, в раннем детстве ты, тоже, не отличался особым смирением, так?

Зевс немного смутился: в детстве он, действительно, был зримым воплощением перпетуум-мобиле. Разве что не таким агрессивным, как его отпрыск.

– Да, моя Деметра, ты права. Но при этом я ничего не крушил. Арес пошёл дальше меня!

Деметра рассмеялась:

– Всё верно. Дети и должны идти дальше своих отцов, иначе не будет никакого прогресса!

Шокированная, выходкой юного дикаря, Амфитрита пришла в себя и дипломатично заметила:

– У мальчика, на удивление, динамичная натура. В ней скрыто море выдумки и фантазии. Он так и тянется к приключениям и неординарным поступкам. Интересный растёт мальчик и очень самобытный.

Посейдон высказался более прямодушно:

– У тебя, дорогой Зевс, растёт непослушный и агрессивный потомок.

Иронично пошутил:

– Если не принять меры по его воспитанию сейчас, то в будущем из него может получиться настоящий бог войны!

Кто бы мог подумать, что слова, сказанные Посейдоном в шутку, станут пророческими.

В это время подошла обновлённая и улыбающаяся Гера. Она заняла своё место за обеденным столом, и боги продолжили свой пир.

Зевс извинился перед гостями за эксцентричную выходку своего потомка. Он смущённо заметил:

– Во время обеденной трапезы с ним обычно занимается кристаллороб – нянька. Не понимаю, как ему удалось обхитрить машину и убежать?

Посейдон усмехнулся:

С его энергией, дорогой Зевс, скоро каменная стена не будет препятствием! А ты толкуешь о какой-то машине.

Гера лишь сокрушённо покачала головой.

По окончании трапезы, Деметра любезно пригласила всех присутствующих оказать ей честь и посетить сад Гесперид. Она, с радушной улыбкой, уверяла, что там, действительно, есть что посмотреть.

Небожители, в свою очередь, поблагодарили богиню плодородия за любезное приглашение и пообещали, по случаю, посетить это дивное место.

Зевс с улыбкой спросил:

– Я слышал, моя Деметра, что сад Гесперид не доступен не только для смертных. Так ли это?

Богиня плодородия чуть изломала свои брови.

– Да, это так мой Зевс. Мы соблюдаем строгий санитарный режим. И не потому, что делается что-то секретное, а ради чистоты научных опытов.

Смягчила рисунок своих бровей.

– На вратах сада стоит надёжный страж. Юный Атлант пропускает гостей в наши чертоги только по моему личному повелению.

Громовержец кокетливо поинтересовался:

– Значит ли это, что я смогу увидеть этот волшебный сад?

Богиня плодородия ответила громовержцу в том же ключе:

– Для царя богов запретных путей не существует!

В ответ, Зевс картинно склонил свою гривастую голову.

С тех пор минуло некоторое время. По началу, громовержец всё же пытался выбросить из головы мысли о Деметре. Он полагал, что наваждение, навеянное красотой Деметры, развеется. Увы, оно не развеялось. Скорее наоборот, смутное желание снова увидеть Деметру всё чаще и чаще посещало его. Это привело к тому, что он, несмотря на горы дел, таки нанёс визит богине плодородия.

Аэровиман громовержца плавно приземлился у главного входа в запретный сад. Не успел Зевс покинуть салон летательного аппарата, как перед ним уже стоял страж его ворот. Атлант почтительно склонил свою голову. Атлетичный, ослепительно юный и красивый, он, как две капли воды, был похож на своего отца и, естественно на самого Зевса. Что громовержец и отметил с величайшим удовольствием.

Зевс улыбнулся широко и открыто.

– Приветствую тебя, мой мальчик! Безмерно рад видеть тебя!

Юный небожитель, заметно волнуясь и робея, учтиво ответил на приветствие высокого гостя и своего близкого родственника:

– Я тоже рад видеть тебя, благородный Зевс!

Гость неторопливо подошёл к Атланту и положил свою мощную руку на его могучее плечо.

– А ты возмужал Атлант, очень возмужал! Стал настоящим мужчиной. Недурно, совсем недурно!

Атлант немного осмелел:

– Великий Зевс, а почему с тобой не прилетел мой отец?

Громовержец беззаботно ответил:

– Твой отец занят, мой мальчик. Но он обязательно прилетит к тебе!

Окинул взглядом ажурное ограждение сада, которое изнутри подпирала непроницаемая зелёная стена.

Уважительно покачал головой.

– Серьезный кордон. Почти неприступный.

Повернулся к Атланту.

– Дорогой мальчик, проводи меня к Деметре!

Атлант склонил голову.

– Да, великий Зевс!

Они подошли к воротам эдема. Атлант смущённо, но твёрдо сказал:

– Подожди здесь, благородный Зевс! Я сообщу о твоём визите Деметре!

Громовержец одобрительно кивнул головой.

– Атлант, а ты, действительно, неподкупен. Это хорошо!

Улыбнулся.

– Иди. А я немного поскучаю.

Однако Зевсу долго скучать не пришлось. Вскоре появился Атлант.

– Проходи, великий Зевс, Деметра ждёт тебя.

Громовержец одобрительно похлопал Атланта по плечу и прошёл в сень таинственного сада. У входа его уже ждала Деметра. И стоило Зевсу только посмотреть на неё, как все, дремавшие в нём чувства, разом пробудились и открыли свои невидимые глаза.

– Приветствую тебя, благородная Деметра!

Она улыбнулась ему своей обворожительной улыбкой.

– Я рада видеть тебя, дорогой Зевс!

Сделала приглашающий жест рукой.

– Добро пожаловать в сад Гесперид!

Она пошла немного впереди, показывая дорогу. Зевс шёл следом, чуть сбоку и сзади. Деметра подняла на него свои чудесные, вечерние глаза.

– С чего начнём, мой дорогой гость?

У громовержца разбежались глаза.

– Неважно с чего начинать, благородная Деметра. Здесь всё одинаково прекрасно!

Богиня плодородия вновь обворожительно улыбнулась.

– Хорошо! Тогда начнём с яблоневого сада. Того самого сада, где наливаются, как утверждают смертные, яблоки бессмертия.

Громовержец рассеяно кивнул.

– Что ж, начнём с яблоневого сада.

И они прошли всю яблоневую плантацию. Деметра о чём-то увлечённо рассказывала, но Зевс не слушал её. И окружающие красоты, тоже, его не трогали. Он, вновь, любовался только Деметрой. Синеокая богиня, конечно же, чувствовала на себе его неподвижный взгляд, но делала вид, что ничего не происходит, и продолжала свой монолог. Громовержец слушал молча. Он лишь изредка кивал головой, как бы имитируя своё участие в разговоре.

А когда Деметра хотела предложить Зевсу посмотреть ещё и цветочные плантации, к ней подошёл Эв, один из её молодых помощников. Учтиво извинившись перед высоким гостем, он вежливо напомнил Деметре о том, что подошло время очередного опыта и где присутствие её необходимо.

Деметра, повернувшись к Зевсу, виновато развела руками.

– Дорогой Зевс, время моё, к сожалению, вышло. Мне пора уходить. Дела. Если не будет возражений с твоей стороны, то экскурсию мы продолжим в следующий раз.

Зевс понимающе улыбнулся.

– Благодарю тебя, благородная Деметра, за то драгоценное внимание, которым ты удостоила меня!

Он пристально посмотрел в её вечерние глаза.

– Хотя, признаться, жаль уходить! Ведь красотой можно любоваться вечно и она никогда не наскучит!

Слова громовержца тронули Деметру.

– Добрые слова радуют душу. До следующей встречи, благородный Зевс!

Зевс учтиво склонил гривастую голову.

– До встречи, милая Деметра!

Громовержец наклонился, бережно поднёс кончики её пальцев к своим губам, поцеловал их и, не оглядываясь, быстро зашагал к выходу.

Следующего визита громовержца пришлось ждать недолго. Зевс появился, во владениях удивлённой Деметры, всего через несколько дней. Он предстал перед хозяйкой эдема, как ей показалось, в подавленном состоянии духа.

После взаимных, любезных приветствий, Деметра весело заметила:

– Из всех небожителей, только Дедал посетил наш сад дважды. И то потому, что он обожает цветы.

Ласково улыбнулась.

– А теперь вот ты, благородный Зевс, повторил его рекорд.

Громовержец с готовностью отреагировал:

– Хочу заметить, что повторил я его с большим удовольствием. Твой сад, благородная Деметра, необыкновенно красив. Жаль только, что он находится, почти, на краю земли.

Громовержец, говоря об эдеме, конечно же, лукавил. Не из-за эдема он появился здесь!

И как в прошлый раз, Деметра пошла чуть впереди, вдохновенно что-то комментируя. Зевс шагал следом. И снова он не слушал её. Невиданных красот, которые разворачивались перед ним, он, тоже, не замечал. Размытым, цветным миражом, они, медленно и ненужно,плыли мимо его рассеянного внимания под звонкое, звуковое сопровождение их создателя.

Царь богов смотрел лишь на Деметру и любовался только ею одной! Он не мог оторвать глаз от её тугих, чеканно очерченных губ. Ему нравилось, как они двигались, создавая слово, как смыкались в паузе, как творили пленительную улыбку. Зевса завораживали густые, бархатные ресницы, которые нежили своей тенью её искрящиеся, вечерние очи.

Ему нестерпимо хотелось прикоснуться к её волосам, прихотливо уложенным в тяжёлую причёску. Причёска упруго покачивалась в такт движения головы, кокетливо грозясь разрушить собственную красоту.

Он, с придыханием, следил за весёлой игрой солнечных зайчиков на её атласной коже, такой тонкой и такой нежной. У него невольно замирало сердце, когда шаловливый ветерок, вдруг, распрямлял вольные складки её туники. И тогда они, пусть ненадолго, уступали место живой и восхитительной форме, которая таилась под их сенью.

Зевс увлёкся Деметрой не в шутку. Увлёкся так, что, почти, потерял голову!

А терпение мудрой Деметры, между тем, иссякло. Ей стало уже невозможно переносить настойчивый и неподвижный взгляд Зевса. Посмотрев громовержцу в глаза, она тихо сказала:

– Мой Зевс, я заметила, что ты, почему-то, смотришь только на меня. А вокруг тебя столько красот, которых ты не замечаешь, или не хочешь замечать...

Мягко улыбнулась.

– И потом, у тебя такой странный взгляд...

Зевс смутился.

– Странный? Ты думаешь? Я просто размышлял...

Деметра продолжила в прежнем духе:

– Даже не странный, а скорее зомбированный.

Громовержец отвёл глаза в сторону и тихо сказал:

– Ты ошиблась, милая Деметра. Ты ошиблась...

Богиня задумчиво покачала головой.

– Разве? Хотя все может быть.

Да, Зевс знал, что у него зомбированный взгляд. И что зомбирован был её красотой, он, тоже, знал. Однако признаться в том, что Деметра ему нравится, у него не хватило духу. Как странно. Не хватало смелости у него, непревзойдённого сердцеда и неотразимого мужчины? Подобного с ним ещё не случалось! И такой он себе не нравился. Поэтому, Зевс дал себе твёрдое обещание, что в будущем он, обязательно, исправится.

А что сейчас? А сейчас громовержцу стало неуютно в рукотворном раю, душно. Он, неожиданно для Деметры, вдруг, заторопился восвояси.

– Милая Деметра, благодарю тебя за прекрасную экскурсию. Цветы твои ослепительно хороши!

Она удивлённо спросила:

– Мой Зевс, ты уходишь? Так рано? Мы не познакомились и с половиной цветочной плантации!

Громовержец был уже на ходу.

– Добрая Деметра, с меня довольно и того, что увидел! Я получил истинное, эстетическое удовольствие. Благодарю тебя!

Небожительница недоверчиво посмотрела на громовержца.

– Хорошо, если это так, мой Зевс!

Зевс дрогнувшими губами поцеловал её руку.

– Мне пора, благородная Деметра!

Вяло улыбнувшись, он поспешил к выходу. Его внезапный и торопливый уход был похож на бегство.

Деметра с грустью смотрела ему вслед. Она вдруг осознала, что Зевс может больше не прийти к ней и не станет, молча, смотреть на неё своим долгим взглядом. В его молчаливом взгляде она успела уже так много прочесть! И взгляд этот Деметре начинал нравиться. Жаль, если он больше не придёт!

Но Деметра ошиблась. Зевс пришёл на следующий день.

Она обратила к нему свои вечерние, наполненные до краёв радостным удивлением, глаза.

– О, Зевс, я уже не думала увидеть тебя здесь ещё раз. Как хорошо, что ты пришёл!

Зевс смущённо склонил свою гривастую голову.

– Приветствую тебя, волшебная Деметра!

– И я рада видеть тебя снова, мой Зевс!

– Я ненадолго, моя Деметра.

В голосе небожительницы прозвучали нотки разочарования.

– Ты спешишь?

– Да!

– Жаль!

Грустно улыбнулась.

– С чего начнём?

Зевс подошёл к ней вплотную. Это был прежний Зевс, решительный и непоколебимый.

– С чего начнём? Начнём с тебя, милая Деметра!

Богиня смутилась.

– С меня? Ты не оговорился, мой Зевс?

Его голос звучал тихо, но упрямо:

– Я не оговорился, прелестная Деметра, именно с тебя!

Её лицо порозовело от волнения.

– Говори, мой Зевс, я слушаю тебя!

Громовержец смотрел, в её вечерние очи, не мигая.

– Все эти дни я появлялся тут не ради красот сада Гесперид. Они были лишь предлогом.

Она тихо спросила, хотя ответ уже знала:

– Тогда, зачем?

Зевс сделал над собой усилие.

– Чтобы видеть тебя, Деметра! Только тебя!

Губы её дрогнули.

– Зачем?

Голос Зевса зазвенел, как перетянутая струна:

– Зачем? Чтобы любоваться твоей красотой!

Деметра слабо запротестовала.

– Ах, Зевс...

Громовержец глядел, в её бездонные глаза, не отрываясь.

– Ты прекрасна, Деметра и ты мне нравишься!

И Деметра, в ответ на признание Зевса, не повела презрительно своей бровью, не искривила губы в насмешливой улыбке, а, к своему великому удовольствию, нашла, что он, тоже, ей по душе...

Глава 5

Лернейская гидра

Не успели, как следует, улечься страсти по немейскому льву, как народонаселение пригорода взбудоражилось известием о новой напасти.

А дело обстояло так. Охотники, после трудов праведных, возвращались домой. С трофеями или без, это теперь уже неважно. Шли они не через Немейский лес, как обычно, а мимо него, полем. Тропа петляла у края тихого Лернейского болота. Даже не болота, а болотца. Шли себе неспешно и, чтобы скоротать время, рассказывали охотничьи байки, да травили анекдоты. Анекдоты в ту далёкую пору только-только начинали входить в моду. Несмотря на их стилистическое несовершенство, охотники всё равно смеялись: кто от содержания анекдота, а кто над рассказчиком. Так бы и дошли до самого дома без приключений, если бы болотце не выкинуло фортель. Нежданно-негаданно, в самом тихом месте, которое называлось омутом, появился большой пузырь! Охотники от удивления даже открыли рты: такое чудо они наблюдали впервые! Ведь раньше-то болото считалось мертвее мёртвого. Оно только пахло и больше ничего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.